

смастривают противоречия как движущую силу развития. Вовремя модернизируют правила. Во благо общего дела объединяют усилия всех: управленцев премии, умело поддерживающих литературный процесс, экспертного пиар-агентства Колмана Гетти, которое уже много лет занимается продвижением премии.

Ольга Джумайло в статье «Британский Букер, или Событие литературы» справедливо говорит об отличии Букера от других двухсот пятидесяти литературных премий Великобритании. Букер определяет современный художественный канон и не забывает о необходи-

И.А. Никитина

*кандидат филологических наук, зав. литературной частью
Вологодского молодежного экспериментального театра-студии «Сонет»*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»
КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ: МОНОГРАФИЯ / [С.Ю. БАРАНОВ (РЕД.), Т.Н. ВОРОНИНА,
С.Х. ГОЛОВКИНА, Е.Н. ИЛЬИНА, С.Н. ПАТАПЕНКО, Ю.В. РОЗАНОВ, А.В. ФЁДОРОВА,
Н.Л. ФИШЕР]. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. 191 с.**

Монография «Повесть В.И. Белова “Привычное дело” как вологодский текст» представляет собой разноаспектный семиглавный анализ произведения, по многим критериям признаваемого рубежным в русской советской литературе 60-х годов. «Пограничность» повести определяется как временем ее появления – в продолжение споров о специфике и задачах «деревенской прозы», обострившихся после опубликования «Вологодской свадьбы» А. Яшина, так и особой позицией в контексте творчества автора, который после «Привычного дела» был «привычно», хотя и не без полемики, признан одним из главных литературно-художественных экспертов современной деревенской жизни. Эстетически и типологически поддерживая терминологизированное явление нового (70-е годы) концепта «вологодская школа», повесть В.И. Белова становится как объектом пристального внимания, понимания и интерпретации, так и субъектом утверждения понятий «вологодская школа», «вологодский текст». Выявлению критических перипетий «рождения» повести (введение, глава 1), анализу особенностей функционирования, эстетической и онтологической специфики текста (главы 2, 3, 4), а также характеру рефлексий на произведение, вписанное в широкую культурную традицию (главы 5, 6, 7) посвящена данная монография, которую можно назвать беспрецедентно разноаспектным и непривычно-специфическим исследованием «Привычного дела» В.И. Белова.

Важным концептуальным положением главы 1, посвященной отражению повести «в зеркале литературной критики 1960-х годов» (Ю.В. Розанов), видится фиксация проблематики повести не только в поле

мости спектакля. Четко структурированная статья касается вопросов репутации премии, скандала (скандал формирует «журналистский капитал», с. 164), формата, фактора экзотики, истории, гендера.

Баронесса Николсон в статье «Решившийся на успех» вспоминает первые слова Майкла Кейна, обращенные к ней при известии о крушении советской империи: «Русский роман – его нужно спасти и продолжить. Это главное – русский роман» (с. 12). У книги – открытый финал.

«сельской жизни своего времени», но и в определении «народной судьбы, народной нравственности, крестьянского мировоззрения» (с. 30). Затрагивается исторически важный, актуализировавшийся значительно позже вопрос о жизнеспособности архетипического образа коренного деревенского жителя (прежде всего – образов Ивана Африкановича и Катерины): что это – «мираж во второй инстанции» (В.И. Гусев), который не способен адаптироваться к изменениям российских реалий (урбанизация, мегаполизация пространства и сознания), – или «песнь песней о прародине» (И. Золотусский), «герой драмы и “праведник”» (Вс. Сурганов), которому откроется если не Царство Божие, то – будущая долгая жизнь как на страницах литературных произведений, так и на постсоветских пространствах Русского мира?

Обсуждение этих аспектов происходит в последующих главах монографии. В частности, глава 2, рассматривающая мир крестьянской семьи в повести (С.Х. Головкина), анализирует не только традиционную семейную структуру в интерпретации автора, но и специфику понимания любви (оппозиция «горячая–холодная»), функциональные роли, детско-родительские отношения (где естественный недостаток внимания порождает особую привязанность), а также склонность к матриархальности («семья в художественном понимании Белова должна иметь сильное женское начало», с. 35) и другие гендерные отношения, отражающиеся в особенностях речи персонажей, основанных на специфике говора.

Глава «Люди и вещи» (А.В. Фёдорова) сосредотачивает внимание на способах решения «одной задачи: сформировать представление о человеке, о его

типических и индивидуальных свойствах, ценностных ориентирах, нравственных установках, эмоциональных проявлениях, поведенческих особенностях» (с. 53). Широкий спектр «вещных» интересов главы захватывает и такие нематериализованные аспекты, как этимология фамилии главного героя (мужская, практически фаллическая семантика слова «дрын»), «неовещественные предметы» (например некупленные, но необходимые «валенки», которые сын «все измолот», с. 76), другие, располагающиеся в сфере дефицитности от «привычного безденежья», предметы, а также концептуальные для понимания философского и художественного мира повести «мыслеобразы» главного героя (Смерть в образе вселенского потопа, смысловые обертоны гидронима Черная Речка и др.). «Номинативная семантика элементов «вывихнутой» действительности» других произведений В.И. Белова (с. 79) обсуждается в конце главы, что придает всей главе яркий метафорический колорит.

Глава «Город и деревня» (Т.Н. Воронина) посвящена изучению заявленной в названии стереотипной для деревенской прозы оппозиции в ее этическом и эстетическом воплощении. Рассматривается также пространственно-временная организация повести, система персонажей, также организованная в оппозиционную («город–деревня») структуру; интересны наблюдения о городской «свободе» и сельских «трудовых зависимостях», когда отсутствие последних «порождает безответственность и равнодушие» (с. 91). Городская и деревенская жизнь анализируется и в их ритмических проявлениях, где «покою и правильному тихому ритму деревни противопоставлено линейное аритмичное беспорядочное движение города» (с. 94). Очень актуальным видится связь концепта «город» с образом «запредельного мира «роскошного жития и веселия», так настойчиво популяризируемого в современных аудио-, видео- и других околотовиртуальных пространствах. Артикулированный в главе «выход за границы своего круга», который потенциально как бы повышает статус персонажей, в современном звучании превращается в «выход за пределы круга своих потребностей», что грозит полным разрушением границ не только пространственно-временных, но и личностных, что чревато последующим полным саморазрушением и деактуализацией. Оппозиция «внешнее (город) – внутреннее» (деревня) подкреплена идеей о необходимости сохранения границ, так как опосредованный «город» не в состоянии обустроить конкретный внутренний душевный мир («деревня»), если разрушение этих границ сопровождается установлением общей среднестатистической атмосферы «не то – не сё» (в современном градозидательном варианте может быть проиллюстрировано этически и эстетически нивелированной атмосферой «поселков городского типа»).

Глава 5 – «Карнавальный смех и его “фигуры”» (С.Ю. Баранов) – рассматривает «Привычное дело» в контексте бахтинской теории карнавала, ориентируясь на вариант опосредованного влияния некоторых карнавальных элементов, создающих некое «карнавальное восприятие мира» (с. 108). «Фигурантами» карнавального дела выступают как описанные трагикомические ситуации (сватовство Нюшки, мытье в холодной бане, подача воды на ферму, пьяные днев-

ные пляски посреди деревни и др.), так и персонажи, в большей или меньшей мере поддерживающие карнавальные нарушения этических запретов. Центральной «фигурой» рассмотрения становится Иван Африканович, метафорически представляющий образ «народного тела», существованием обязанного именно карнавальности (с. 114). «Народотелесность» Ивана Африкановича явлена через разнообразие материализаций, центральными из которых становятся многодетности «неуёмный эротизм» (с. 111) – как залогом «семейного, родового, коллективного бессмертия, торжества жизни вопреки конечности отдельного человеческого существования» (там же). Кроме того, достаточная размытость индивидуальности, «отдельности человеческого существования» главного героя (в рационалистическом, западном понимании) становится лишь относительно субъектной автономией, противопоставленной стремлению «раскрыться через коллектив». Отмечается полемичность утверждения об «автономной личности» Ивана Африкановича, которая тяготеет, по мнению некоторых исследователей, к личности коллективной, метафорически близкой «живой клетке, из которой продуцируется разрастающийся... образ “народного тела” в повести» (с. 111). Анализируются и другие «субкарнавальные» персонажи (такие как Митька Поляков или Мишка Петров), приближающиеся к образу трикстера, но проявляющие свое трикстерство неоднозначно, как и другие «карнавальные» вариации в повести с весьма некарнавальным названием.

Главы 6 и 7 помещают «Привычное дело» в несвойственные деревенской тематике обстоятельства – в контекст художественного перевода (гл. 6, Е.Н. Ильина и Н.Л. Фишер) и кинематографической интерпретации (гл. 7, С.Н. Патапенко). Тот и другой аспекты предполагают соавторство писателя и интерпретатора, что в случае с прозаическим наследием В.И. Белова осложнено ярким «локальным колоритом» и обилием индивидуальных обертонов смысла. О сложностях художественного перевода на немецкий язык – глава 6, причем под «переводом» подразумевается в том числе поиск и нахождение средств для адекватной интерпретации национальной картины мира, где художественный текст становится «репрезентацией ее индивидуально-творческого освоения» (с. 126). При этом «национальное» в случае «Привычного дела» уточняется до «регионального», что создает как дополнительные трудности, так и определенные «красоты» в исполнении переводческих кульбитов при передаче нетривиальных смысловых единиц. И если одним из важнейших тезисов, определяющих философскую задачу написания «онтологической прозы» В.И. Белова, можно считать задачу преодоления «отчуждения народа от собственных культурных источников» (с. 126), то задач у исследования Е.Н. Ильиной и Н.Л. Фишер – сразу две: сокращение дистанции между элементами русской диалектной картины мира и современного понимания этой картины для последующего перевода, а также поиск кратчайших языковых путей для нахождения аналогов в пространстве обоих диалектов. Кроме того, «поэтическое повествование» В.И. Белова при переводе требует глубокого погружения в эмоционально-образную систему средств

обоих языков, что ставит дополнительные этнопсихологические проблемы соответствий в рамках русской и немецкой ментальностей. Наряду со многими увлекательными сюжетами интерпретации Времени, Пространства, Символики и других столбовых характеристик, особое внимание обращает раздел «Субъекты диалектной картины мира». Интересно деление на «мужской» («Кануны» «Плотничьи рассказы») – и «женский» («Привычное дело») мир беловской прозы, а также анализ способов создания в тексте и отражения в переводе специфической северной женской доминанты. Любопытно, что даже современным российским читателем такая доминанта часто воспринимается как несомненная архаика, тогда как именно эта особенность организации семьи в «Привычном деле» Белова рождает драматические и даже трагические переживания героев (тоска по матери, жене, невосполнимость утраты в момент ухода). Это не совсем понятно при номинальном главенстве мужчины, традиционно и огульно приписываемом «ладу деревенской жизни», когда не учитывается разница традиций оседлого северного (славянского) и мобильного – часто более южного, но в данном случае – воинского (германского) образа жизни, на котором и делается исследовательский акцент (с. 144).

Тем не менее, при всей искусности переложения мелодии повествования «Привычного дела» на немецкий, отмечается неизбежность потерь – прежде всего фонетических и грамматических, а также связанных с разницей диалектной картины мира В.И. Белова и современного представления об этой картине как русских, так и европейских читателей (с. 159). Что неизбежно в случае работы с роскошным образцом «вологодского» – и, хочется добавить, – «беловского» текста.

Завершает монографию глава 7 – «Кинопрочтение повести “Привычное дело”» (С.Н. Патапенко), которая анализирует вышедший в октябре 1971 года фильм режиссера М.И. Ершова «Африканыч», созданный по мотивам повести В.И. Белова «Привычное дело». Обсуждаются ролевые и функциональные распределения в постановочной группе, событийная структура фильма по эпизодам, сценарий фильма, режиссура, актерские работы, а также «характер изъятий» при выборе материала для визуализации. Важнейшими являются наблюдения над спецификой ре-

дуцирования определенных пластов текста, а именно – образно-мифологического, создающего пространство для представления о «разветвленности характеров и судеб», об их драматической нелинейности, поэтичности развития сюжета и даже его трагической незавершенности («У Белова произведение заканчивается жесткой сценой на кладбище... В фильме он возвращается в деревню, и дети встречают отца у дома»

(с. 174). Характерно игнорирование линий детского сказочного восприятия мира, а также важной для изображения целостного крестьянского мира главы «Рогулина жизнь». Кроме того, отмечается, что фильм – по сравнению с повестью – более новеллистичен, но при этом, как ни странно, менее драматичен, эмоциональная интонация некоторых эпизодов (например сцена получения справки для паспорта) – «умилительно-благостная», а других – «назидательно одномерная» (тайная заготовка сена), когда намеренно упраздняется трагический диссонанс в сознании главного героя. Герой при этом теряет свойственную ему «живизну» и противоречивость, что в некотором смысле облегчает принятие его некоторой частью зрителей, не настроенных видеть в деревенском Африканыче гамлетовские терзания и страсти.

В целом киноинтерпретация повести содержит как событийный, так и бытийный компоненты проблематики, но все же оправдывает подзаголовок «по мотивам повести» и существует в виде «по-своему интересной истории», которая достаточно дистантна и не ставит задачу приближения к беловскому тексту как основную. Она «неравномерна своему литературному источнику» (с. 181), но, безусловно, любопытна как вариант освоения простого «вологодского текста» «невологодским киночитателем». Что, кстати, находится в противоречии с целями и задачами коллектива авторов монографии, основным посылом которых видится именно ПРИБЛИЖЕНИЕ к «Привычному делу» В.И. Белова на достаточно интимное читательско-исследовательское расстояние. Без сомнения, в значительной мере такое приближение удалось, результатом чего стало рождение глубокого и «непривычно» разностороннего для деревенской прозы исследования.